

{numeration}

Был купец богатой, у купца был сын. Купец и помер. Стал у него сын, надо ему жениться. Стал он ходить по балам, по банкетам выбирать себе невесты. По господам, по купеческим, и по генеральским, и по крестьянским. Нашел он себе любимую невесту в деревне у крестьянина, дочь вдовичю. Она пондравилась. Приходят дедья. «Такую, говорит, я нашел невесту». Те ево бранят: «На што эту берёшь?» — «О, мне ладно!» — «Не поедем мы к тебе на свадьбу». Он говорит: «По мне, хоть век не ездите, а мне, говорит, эта важна». Он и взял эту девичю себе за муж; оне и россердились на ево. Вот он и живёт с ей. И стало у него житьё как бы на умалёньё. Попрожил он всё житьё, не стало у него товару, не стало и денег. Приходит время, сряжаются дедья за море торговать. А у него ехать не с чем. Приходит он к дедьям и просит денег или товара. Дедья ему товаров не дают и денег не дают. Приходит домой невесёлой, не лежит невесёлой. А вот жонка и спрашивает: «Што же ты не весел?» — «К чему же мне веселиться, как у меня нет ни денег, ни товару». — «Не тужи ты, молись ты Спасу, вались ты спать. Утро вечера мудренее, кобыла мерина удаляе, жена мужа хитряе». Вот он повалился спать. Поутру она будит ранёхонько: «Давай, роздевай, снимай с себя рубашку, надевай на голоё тело». Потом он надел солоп, надел рубашку; подала она 50 рублей, всё рублями. «Ступай, бери товару, хоть на десятку набери, а подай рубль — а скажи: всё в расчёте. На сотню набери, отдай 10 рублей и скажи: всё в расчёте. Набери ты на 200 рублей, отдай 20 рублей и скажи: всё в расчёте. И тебе скажут, што всё в расчёте». Вынет денег десять ли, двадцать ли, а сунет руку в карман — денег всё не убывает. Набрал кое-каково товару, нагрузил 3 судна, и поведи он людей ехать с собой на три года, порядил рабочих. Вот они сошли, эти рабочие, и заперовали в трактире. Эти дедья и пришли в этот трактир и говорят: «Што вы, от ково в работники пойдите?» — «Пойдём, говорят, от вашево Ивана». — «Да Иван, говорят, сам приходил, сам просилсе в работники. Он не на смех ли вас поредил?» Они как равно испугались: «Пойдём, найдём ево». Пошли, нашли ево в трактире, а он сидит и пьянствует. Наставлено перед ним всяких водок. «Эх, вот мы пришли у тебя задаточку попросить». — «Эх! Берите сколько надо!» Они и говорят: «Што это дедьято наврало!»

Вот они поехали за моря. У Иванушки весь товар обрали в трое суток, а у дедьей никто ницево не купил. Ванюшка взял весь товар откупил, и у ево обрали весь товар и этот. Дедья сошли в трактир, и Иванушка сошел в тот трактир. И запили оне. Вот оне и спрашивают: «Што это у тебя денег объявилось вдруг много?» — «Ой вы, такие маковки, у меня теперь денег убыли нет, могу весь товар в городе перекупить. Мне, как жонка дала солоп, так мне от цясу денег всё прибывает». Вот они поили, поили; напоили ево без цювьствия, он и похвастал. «Знаю, што с моей жонки именно перстня не снеть и патрету с ней не списать никому». А тут некоторые и говорят: «Можот, она согрешит с кем-нибудь и гульнёт?» — «Нет». И заложилсе за жонку всем своим имуществом.

Доброй молодець и не знает ницево, торгует себе. Выторговалсе и поехал в

родительской город. Открыл лавочку и объявилсе иноземным купцём, дешовых товаров навёз. И эту купчиху, живёт месяц, и в глаза не можот увидать. Вот и спрашваэт: «Што же я ее не могу никак увидать?» — «Она никоно не пускает, и сама никуда не ходит. Есть старуха такая-то там, — сказали ему, — через нее ты, можот, нет ли, достукать». Взял бутылку вина да к ней. Приходит. «Баушка! Поставь-ко самоварчик, цяйку напитоксе». Старуха сготовила самоварчик, старухе поставил бутылку вина, подал ей стаканчик и другой. Старуха охмелила. Вот он и говорит: «Баушенька! Нельзя увидать эту купчиху?» — «Отцево? Можно». — «Ах! Кабы ты мне сделала, на тебе 50 рублей деньги. Ежели я увидаю, то я ешшо тебе несколько дам». Старуха и говорит ему: «Приходи завтра ко мне». Он и пришел к ей; старуха и говорит: «Принеси большой сундук пространной, штобы тебе самому было сись». Вот он и купил сундук большинской-пребольшинской.

Старуха приказала мастера - навертели полной дыр ево, наставлели стёкол и покрасили ево, што есть, нет ли стёкла. А из сундука видать скрозь стёкла. Вот она, взявши, сходила к этой купчихе. «Госпожа купчиха! Нельзя ли тебе принести сундука? Есть у меня дорогие вешшы наклапены; надо сходить к сестриче в гости, а у меня-то дома заложки-те худые». — «А вот отнеси в эту спальню, поставь этто просто». Она порядила четырех человек, посадила в сундук; марш, к ей в спальню и принесла. Она поставила против зеркала. Она пошла спать, в одной рубашке, ее всю и видать ему в зеркале. Вот он списал патрет ее и увидал на груди бордовиця, промеж ти́ткам три волосинки цёрные — он и списал всё это. И увидел, как она кольцо снимаэт и кладёт ево на окошко. Через трои суточки приходит эта старуха по сундук и говорит: «Мне, говорит, унести ево домой — часто ходить в ево нужно!» — «А по мне ницево — отнеси». Вот выпустила она ево из сундука, и говорит он ей: «Вот тебе 500 рублей — возьми у ней перстень, он на окне лежит, и принеси мне». — «А ты, говорит, купи на рынке такой перстень — я и обменю ево». Вот он сходил обменил перстень, 500 рублей дал. Старуха сошла пораньше, купчиха спит, перстень и переменяла.

Старуха как принесла перстень, он взял перстень, лавочку прикрыл и домой отправилсе в свой город. Передал всё это королю — патрет и перстень. Тот взял, заводит весь пир, которые были на пиру. Призвали этово Ивана. «Покажи, Иван, от жены от своей патрет». Вот Иван вынул, показал, и тот показал, сложили — будто как один, перстень показали. «Видно, твоя жонка согрешила». Обрали с Ивана всё имушество и взяли даже солоп, осталсе он в одной рубахе; король которое здись сибе обрал, а тому человеку, которой ездил, отдал всё имушество, которое там. Приехал домой, берёт свою жонку, за руку выводит из дому вон. «Ну, говорит, прошшай, ты мне не жена, я тебе не муж». Сошел он, срядилсе, поступил в солдаты рядовые и служит он солдатиком; ему, добру молодьцю, не дало́сь. Теснят, обидят. Она удалилась из своево городу в другой. Вот она пришла в другой город к старушке ноцевать. Дала рублик и говорит: «Неси

бутылку вина, да цяйку да сахарку — устроим мы с тобой пирушку». И старуха довольна. Поутру выпила и говорит: «На тебе, баушка, рублёвку — купи тово и другово». Старухе-то и ладно, а у ей-то денежки выходят. Задумала и говорит: «Надо денежки наживать», — говорит. «Поди-ко, баушка, купи брюки, жилет — одежонку мужскую. Надо итти деньги наживать как-нибудь! Сапоги хорошенькие купи». Старуха сошла, всево набрала рублей на 20 ей. Волоси́ постригла, нарядиласе молодцём, молодець себя красивой сделалсе. Вот и пошел доброй молодець поутру рано по лавкам. Идёт ему купец старой, сивой настрицю. Этот купец и говорит: «Што ты, молодець, рано? Надо тебе што купить, ли што продать, ли работишки искать какой?» — «Да, надо бы работишки какой-нибудь найти». — «Чево ты можешь роботать?» — «Всё могу роботать, чорную роботу могу роботать, могу в прикашшыках послужить, могу в писарях». — «Так у меня, говорит, один прикашшык расчёт просит. Почём возьмёшь на́ год ли, на мисяць?» — «А што взеть? Ты сам, старик, не глупой, а спрашиваэшь. Ты возьми сперва так, да посмотри, как я работаю — а потом и цену назначать будешь. А я могу служить всю жизнь, никоу у миня и дома нету». — «Ну ладно, это и хорошо. Приходи, говорит, завтра». Вот он росчитал прикашшыка, а этот ноцевал у старухи опеть. Со старухой росчиталсе. Приходит он к купцю. Вот купец и поставил ево в лавку, немного там товару.

Вот он и живёт в этой лавке мисяць и торгует. Приходит купец и дивуетсе, што много доходу от него стало. И перевёл ево в другую лавку. Он и служил в эфтой мисяця два. Вот доброй молодець прослужил он мисяця два, приходит купец отчет принимать. Доволен стал. Перевёл ево главным прикашшыком. Он тут и служит у него года полтора. Так дивилсе купец, стал он полным дови́ренным. Живёт он у него года три.

Прошла про ево слава большая, што прикашшык хорош и красив, с людям обходительной, народу всегда полная лавка. Ехал раз генерал с генеральшой. Генерал и говорит: «Слушай, душенька, говорят прикашшык хорошей, надо кисе́ю на платье купить». Вот они зашли, встретил, зашли в коморку, он и начал их потчивать. «Господин прикашшык! Нам надо товару забрать». Вышли товарчику брать, они брать, побрать и на 500 рублей и накупили. «У нас денег нет с собой — мы тебе из дому вышлем». — «Как, говорит, этим людям не повирить? Мы простому народу вирим». И поварили ему, и отвезли товарчик. Они день не посылают, другой и третей, На четвертый день приежжает лехковой. «Генеральша, говорит, требует за деньгам». Он снарядилсе и поехал за деньгам. Встритили ево, добра молодца, увели ево в верхней этаж и угощают ево. Остались их двое только с генеральной. Вот она потчивала, потчивала ево и говорит: «Как бы на диванчик отдохнуть». — «Ах, говорит, барыня, как же? Я к тебе на диванчик не пойду — ведь муж твой генерал! Кабы я чиновник какой был, лутше дело быть». Никак не могла она ево созвать, и уехал без денег, денег не выдала. Приежжает ее муж, она и говорит: «Ах, душечка, этот прикашшык по пустому прикашшык, надо ево произвести в офицеры».

— «Да это ништо, через деньги можно ево и офицером сделать». Генерал съехал к чарю и говорит: «Таково-то человека в офицеры произвести — а он в прикашшыках так век проживёт». Поехал генерал к купцю. «Давай, говорит, прикашшыка в солдаты». Купец не отпускал; делать нечево, пришлось отдать — дал ему 1500 рублей жалованья. Вот ево, добра молодця, обрали в солдаты, сделали офицером. Вот он день, другой служит в солдатах — требует ево генеральша за деньгам опять. Потшывала, потшывала и опять требует на диванчик. «Кабы полковник, так почаще бы я ежжал к генералу, а теперь нельзя». Ну теперь так и отговорилсе. «Завтра, говорит, ты будешь выше цин». Приезжает муж, она ему и говорит: «Больнё хорош офицер, дать бы ему цин полковника». Пожил с мисець времени. Вот опять требует за деньгам себе. Те басни, другие, потшывала, потшывала и опять на диван просит: «И завтра, говорит, будешь ты генералом». Опеть он уехал так домой. Пожил мисець, больше. Приезжают, посмотрели, што хорошо действует генерал, и солдаты слушают ево. Он опеть прожил мисець, более. Ево требуют за деньгам. Потшывали, потшывали ево и опеть к себе на диванчик. «Нельзя, говорит, кабы я генералом объежненским — дивизии генералом». Генералом прославили ево. Служит мисець и более. Приехал сам царь и сделал ево самым высшим лицём. Она ево и приказывает за деньгам. Он и говорит: «Ах! Нельзя мне согрешить — у меня есть жена, а у тебя муж, закон нельзя нарушить». Вот и россердилась на ево. «Я тебя произвела! Завтра будешь редовым!» — «Нет, уж удалела, сам царь наложил нашивки те!» Она россердилась и деньги выдала ему. Вот он уехал — приезжает муж, она и говорит: «Уж больнё мне опротивел генерал, глядеть на ево не могу. Сделай ему унижение». — «Нет, никак не могу! Теперь нельзя. Ево лутше в объежнески генералы».

Вот ево произвели, и поехал он в свой город войська смотреть. И стал он на постой в свой самой дом. И стоит на своём доме и смотрил войська. Выдет на балкон и смотрит, честь отдавают генералу. Вот идёт та рота, в которой её муж служит. Вот дошел её муж, на колени — не мог перенести, што рядовым солдатом мимо своего дому идёт. На другой день приказал эту роту себе на двор. Те испугались, видимо, не так честь отдали. Вот дядька и заставил в ряд свою роту; выходит генерал смотреть. Доходит до своего мужа и спрашивает: «Об чём ты тоскуешь? Об жене своей ли, об детях своих, либо в доме своём?» Он не признаётся. «Ни об чём не тоскую», — говорит. «Да как ты, невежа? Об чём ты падаешь на колени — ноги не ходят. Раздиньте ево, солдаты, до гола, дайте ему 25 розог. Он по жоне своей тоскует». Стали ево солдаты роздевать — он почирниёт и побледниет. Взявши, ево как бы повалили стегать, а она и говорит: «Бросьте уж, прощу первую вину». Как ево оди́ли, оставили.

А он опять: «Раздиньте — хоть 15 розог надо дать». Как ево повалили, а она и говорит: «Бросьте ево, сукина сына. Можот, перестанет тосковать». Опеть ево одили; только ево одили, она опеть: «Раздиньте ево, сукина сына, хоть 5 розог надо дать. Да бросьте ево,

сукина сына, у него и ножки не ходят. Дядька! Отдай его мне в лакеи, он и ходить не может». — «Дело не моё, говорит, обирай хоть всех». Взял в лакеи его к себе. Вот эти ушли солдатики со двора, его оставили. Вот сейчас до вечера доживает и говорит: «Принеси, лакей, ведро вина да ещё других напитков. Завтра я буду именинник».

Вот на именины созвали этого хозяина, которой в доме живёт, лакея поставили ко дверям. Писарей посадили в другую комнату писать, чтобы они, что станет говорить, чтобы слышали. Она — поить этого хозяина очень сильно, и напоила его пьянково, и стала его спрашивать: «Как же ты в этот дом попал? Раньше я бывал, в этом доме жили». — «Потому что не я жил в этом доме». — «И как же ты попал сюда?» — «А вот хозяин этому дому торговал в нашем городе, заложился за жену — она никому не даст, говорит. Никому с её патрета не снеть, говорит. Я и приехал, это дело изорудывал». — «Да как же ты это дело изорудывал? Согрешил, нет ли, с ней?» — «Нет, говорит, никак я с ней не согрешил и попусту я списал из сундука, а перстень мне эта баушка принесла, я её кормлю на место матушки, она за 500 рублей мне перстень принесла». А писаря же все пишут. «Я, говорит, всё ложно сделал». — «Так ты все равно, что эти две души погубил, говорит. Где же она теперь, говорит, находится?» — «А я слышал, что Иван служит рядовым солдатом, а про неё известия нету. Знать, она потонула, знать, она удушилась». Вот уж ей полно потцивать.

Ушёл он в свой кабинет. «Пойдём-ко, лакей, и мы спать! Вались, лакей, ты к стенке, а я взад». — «Нет, говорит, ваше благородие, я, говорит, с краю, может, принести что потребуется». Генерал приказал; рядовой солдат повалился к стенке, генерал на крайчик. «Лакей! Что я удумал!» — «А что?» — «А кабы ты мне в ... дал». — «Да как же, ваше благородие? В... неудобно. Экой вы! Сказали бы — я бы вам девушек нашёл». — «Ах ты, солдат! С девушкой закон нарушишь, а в ... не грех. А если не даси, то завтра рядовым солдатом!» В рядовые солдаты неохота — взял штанишка и стал снеть. Снял штанишка, а ... выставил. Она ему наплевала на ... и заругала его. «Ах ты, такой сякой! Об жену заложился, а о своей ж... нет. Жена твоя не согрешила, а ты — подлец!» И пошла его бранить. «Полезай, говорит, на меня». Он весь затрессе. «Хвати ты груди-те! Вишь я твоя жена! Дурак!» Повалился на неё и толку сделать никакого не может. В утро опять и говорит: «Наряжайся ты лакеем».

Она повески подала, чтобы ехал царь сюда — неисправны здесь войска. Приехал царь, набралось публики, господ много. Вот выходят эти писаря. Она и объясняет хозяину: «Ну сказывай, как ты в этот дом попал?» — «Это мой старинной!» — «Как старинной?! Писаря! Читайте!» Те и прочитали, все и слушают. «Ведь он погубил две души! А я, говорит, этому дому хозяйка!» Взяла сняла с себя платье, сбросила, все глядят: «Как, женщина — а генерала дослужила». Она всё объяснила. Говорит ей царь: «Что хочешь, то и делай!» Она потребовала, чтобы казнили хозяина, а старуху вон куда-нибудь, Бох

весть, куда увезли. Мужа её сделали генералом, а ее генеральшей. Имушество всё потребовали от короля тово назад.

{/numeration} {spoiler title=Примечание}

Записана Б. и Ю. Соколовыми от [Андрея Михайловича Ганина](#) .

Текст сказки приводится по [Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 книгах. — СПб.: Тропа Троянова, 1999](#)

Сказка соответствует типу: **ВСС 882А** [Спор о верности жены](#)

{/spoiler}